

Поздеев И. Л. Марийцы Удмуртии: факторы сохранения традиционной культуры в современных условиях / И. Л. Поздеев // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 380—395. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-380-395.

Pozdeev, I. L. (2021). Mari of Udmurtia: Factors of Preserving Traditional Culture in Modern Conditions. *Nauchnyi dialog*, 12: 380-395. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-380-395. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-380-395

Марийцы Удмуртии: факторы сохранения традиционной культуры в современных условиях

Поздеев Игорь Леонидович
orcid.org/0000-0002-3116-5540
ResearcherID AAJ-4154-2021
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Pozdeev79@gmail.com

Удмуртский институт
истории, языка и литературы
Удмуртского федерального
исследовательского центра
Уральского отделения
Российской академии наук
(Ижевск, Россия)

Mari of Udmurtia: Factors of Preserving Traditional Culture in Modern Conditions

Igor L. Pozdeev
orcid.org/0000-0002-3116-5540
ResearcherID AAJ-4154-2021
PhD in History, Senior Researcher
Pozdeev79@gmail.com

Udmurt Institute
of History, Language and Literature
of the Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russia)

© Поздеев И. Л., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются факторы сохранения и межпоколенной передачи традиционной культуры локальной группы марийцев, проживающей на территории Удмуртии в условиях иноэтничного окружения. Источниковую основу статьи составили собранные в 2007 году среди марийцев Каракулинского района Удмуртской Республики полевые этнографические материалы, впервые вводимые в научный оборот. Охарактеризованы социально-экономическое положение респондентов, сложившиеся механизмы адаптации к рыночным отношениям, сохранность традиционных обрядов и праздников, материальной и духовной культуры, использование родного языка, этнодемографические процессы, деятельность марийской общности по поддержке этнической культуры. Автор отмечает, что исторически сформировавшийся механизм обеспечения жизнеспособности марийского социума включает в себя практики демографического поведения, этническую социализацию молодежи, воспроизводство элементов духовно-религиозной культуры (моления, семейные и календарные обряды, песни) и материального мира (национальный костюм, элементы архитектуры, музыкальные инструменты, национальная кухня), использование марийского языка. Доказано, что обрядовая сфера марийцев переживает трансформации, но при этом продолжает оставаться неотделимой частью бытия народа. В ходе работы также выявлено, что локальной группе марийцев в современных условиях для самосохранения требуется постоянно генерировать этнические маркеры на основе традиционной культуры. Ключевая роль в этом отводится деревенскому обществу, образовательным учреждениям и общественным организациям.

Ключевые слова:

удмуртские марийцы; адаптация; семья; традиционная культура; народные праздники; самосознание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The factors of preservation and intergenerational transmission of the traditional culture of the local group of Mari living in the territory of Udmurtia in a different ethnic environment is examined in the article. The source basis of the article was the field ethnographic materials collected in 2007 among the Mari of the Karakulinsky region of the Udmurt Republic and introduced into scientific circulation for the first time. The socio-economic situation of the respondents, the established mechanisms of adaptation to market relations, the preservation of traditional rituals and holidays, material and spiritual culture, the use of the native language, ethno-demographic processes, the activities of the Mari community to support ethnic culture are showed in the work. The author notes that the historically formed mechanism for ensuring the viability of the Mari society includes practices of demographic behavior, ethnic socialization of youth, reproduction of elements of spiritual and religious culture (prayers, family and calendar rituals, songs) and the material world (national costume, elements of architecture, musical instruments, national cuisine), the use of the Mari language. It has been proven that the ritual sphere of the Mari is undergoing transformations, but at the same time it continues to remain an inseparable part of the life of the people. In the course of the work, it was also revealed that the local group of Mari in modern conditions for self-preservation needs to constantly generate ethnic markers based on traditional culture. The key role in this is assigned to the village community, educational institutions and public organizations.

Key words:

Udmurt Mari; adaptation; family; traditional culture; folk holidays; self-awareness.

Марийцы Удмуртии: факторы сохранения традиционной культуры в современных условиях

© Поздеев И. Л., 2021

1. Введение

Исследование истории и этнокультурных особенностей народов, проживающих на территории нашей страны, является одной из наиболее важных задач, стоящих перед отечественной гуманитарной наукой. Первостепенное значение имеет изучение локальных этнокультурных групп, проживающих за пределами титульных республик, поскольку часто именно в таких малых по численности диаспорах сохраняются элементы традиционной культуры, зачастую утраченные основным массивом этноса.

Марийцы Удмуртии являются пятым по численности этносом региона (по данным Всероссийской переписи 2010 года их численность составляла 8067 человек [Итоги ..., 2010]), компактно проживают на юге и юго-западе республики в Алнашском, Граховском, Каракулинском и Камбарском районах. И хотя история расселения марийцев, особенности материальной и духовной культуры, языка, деятельность марийских некоммерческих организаций (НКО) попадали в сферу изучения местных исследователей [Марийцы, 2003; Марийцы Удмуртии, 2015; Попова, 2012; Попова, 2016], но данные работы во многом носят фрагментарный характер, что обосновывает дальнейшее изучение марийцев Удмуртии, особенно в части сбора полевых этнографических материалов. В данной статье проводится анализ и частичное введение в научный оборот материалов, собранных в 2007 году сотрудниками Удмуртского института истории языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (с 2017 года — Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН) в населенных пунктах Ныргында, Быргында, Новопоселенное, Зуевы Ключи Каракулинского района Удмуртской Республики. В качестве источников при написании работы выступили архивные дела, хранящиеся в Научном архиве УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с материалами полевых исследований Г. А. Никитиной [НА УИИЯЛ, д. 1499, 27 л.], И. Л. Поздеева [НА УИИЯЛ, д. 1495, 123 л.] и Л. С. Христолюбовой [НА УИИЯЛ, д. 1516, 33 л.], научные отчеты института [НА УИИЯЛ, д. 724а, 195 л.], а также личные воспоминания участников экспедиции.

Этнографическая экспедиция к марийцам, проживающим на территории Каракулинского района Удмуртской Республики, осуществлялась

в ходе реализации научно-исследовательского проекта «Адаптационные ресурсы и практики народов Камско-Вятского региона в условиях российских трансформаций» (руководитель — доктор исторических наук Г. А. Никитина). Ключевой задачей проекта было исследование механизмов и практик, способствующих сохранению этносов в условиях социально-экономических трансформаций. В связи с этим при сборе материала основой упор делался на экономическое положение сельских семей, социально-демографические параметры, этническую идентичность, материальное положение, личностные оценки жизненной ситуации, адаптационные модели поведения. Помимо конкретных задач, стоящих перед исследователями по вопросам социокультурной адаптации, члены экспедиции собирали материал по индивидуальным научным темам.

2. Сохранение и использование марийского языка

Для всех исследователей, выезжающих в «поле» для сбора этнографических материалов в незнакомый населенный пункт, очень важным является первое впечатление о населенном пункте, о людях, которые там проживают, и, конечно, о сохранности традиционной культуры. И это чувство является наиболее ярким, именно его вспоминаешь даже спустя годы, а фотографии и полевые записи только усиливают воспоминания. В Ныргынде влияние марийской культуры прослеживается практически во всем: в повсеместно звучащем марийском языке на улице, в семейном укладе, в традиционном платье встречной пожилой женщины, элементах орнамента на воротах и наличниках, даже в бане «по-черному».

Одним из наиболее важных и болезненных вопросов для марийцев Удмуртии является сохранение и использование марийского языка. Именно от сохранения родного языка зависит сохранение идентичности, самобытности народа. Практически все жители в исследуемых марийских деревнях разговаривали на своем языке, его можно услышать в семьях, в магазине, при обращении друг к другу на улице. В то же время выделяется несколько факторов, оказывающих негативное воздействие на языковую ситуацию. Во-первых, смешанные семьи, дети в которых уже начинают говорить по-русски, поскольку их родители «переходят на общий язык, на русский. Если родители марийка и удмурт, допустим, то уже в семье по-русски разговаривают» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 55], «Наши дети, многие, уже женятся на русских, удмуртках, а их семьи становятся немарийскими» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 20]. Во-вторых, ограниченность использования языка («в деревне нужен, а за деревней уже нет») приводит к тому, что родители сами начинают отказываться от родного языка при общении с детьми, чтоб, по их мнению, облегчить дальнейшее поступление в вузы и сузы:

«У нас сейчас идет такое поколение, которое говорит, что зачем нам нужен марийский язык... в учебные заведения принимаются независимо от того, из национальной ты школы вышел, или нет. На это не смотрят. И зачем тогда нам нужен марийский язык?» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 32]. Ситуация усугубляется еще и тем, что у местных жителей на тот момент практически не было доступа к СМИ на марийском языке, газеты и журналы не выписывались из-за недостатка денег, теле- и радиовещания на марийском языке также не было: «У нас радио, радио по-удмуртски можно услышать, по-татарски, а марийские мы не услышим» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 33].

Стоит отметить, что марийцам Удмуртии приходится жить в сложных условиях билингвизма, с одной стороны, пытаясь сохранить свой родной язык, а с другой — стараясь сделать своих детей успешными в современных реалиях. В детском саду воспитатели с детьми начинают общаться на русском, вводя тем самым их в русскоязычную систему образования. В школе марийский язык преподается в рамках регионального компонента, в среднем по три часа в неделю. Кроме того, велись кружки марийского языка, краеведения. Думается, это максимум того, что школа может сделать в сложившихся условиях. Во всяком случае, по словам директора Нырғындынской школы А. Е. Кумерова, дети между собой, как и педагоги, разговаривают на марийском [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 62].

3. Социально-экономическое положение марийских деревень

Муниципальное образование «Нырғындынское» включает в себя 3 населенных пункта: деревни Нырғында, Зуевы Ключи и выселок Дубровка. Как отмечали работники сельской администрации, в сельском поселении в 2007 году было зарегистрировано 809 человек, 308 дворов [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 39], из них в Нырғынде — 723 человека (234 двора), Дубровке — 67 жителей (25 хозяйств), Зуевых Ключах — 19 человек (49 дворов). В Дубровке проживало смешанное русско-марийское население, в Нырғынде — в основном марийцы, 34 русских, 19 удмуртов, трое татар и 1 туркменка. Интересная ситуация сложилась в Зуевых Ключах: «Там уже русское население, марийцев нет. Там всего коренных жителей 19 человек. А остальные — дачники» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 39]. Здесь следует сделать небольшой комментарий: деревня Зуевы Ключи, благодаря своему географическому положению, близкому расположению к р. Кама, стала привлекательной зоной отдыха среди экономической и политической элиты Удмуртии. Появление поблизости роскошных дач богатых и влиятельных в регионе людей оказало психологическое воздействие на местных жителей, испытавших своеобразный «культурный шок». Даже сейчас, по прошествии тринадцати лет, рассматривая экспедиционные фо-

тографии, видишь с одной стороны деревенские улочки со старыми, преимущественно деревянными и кирпичными домами, покрытыми темными шиферными крышами, огороженными заборами из потемневших досок, а с другой — двух- и трёхэтажные особняки из облицовочного кирпича или оцилиндрованных бревен под яркими крышами из металлочерепицы. Конечно, это вызывало определенное чувство неполноценности у местных, подкрепляемое еще и соответствующим отношением со стороны приезжих: «Даже около Камы я однажды проходила, так вижу, что огородили прямо до берега, до Камы и не пропускают. Теперь получается, что они как собственники стали. Мы даже в своем крае к берегу Камы не можем подойти» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 35].

По состоянию на 01 января 2021 года в муниципальном образовании количество жителей составляет 780 человек, проживающих в 378 домохозяйствах. В разрезе деревень это выглядит следующим образом: Ныргында — 234 хозяйства с численностью 718 человека, Дубровка — 26 хозяйств с численностью 45 человек, Зуевы Ключи — 118 хозяйств с численностью 17 человек [Отчет Главы МО «Нырғындынское» ..., 2020]. Как видим, за истекшие годы хоть и произошло падение численности населения, но при этом показатели далеки от критических. В то же время резко (с 49 до 118) выросло количество построенных домов-дач в Зуевых Ключах.

Приведем данные за 2007 год о соседнем Быргындинском сельском поселении. В муниципальном образовании числилось 809 человек в 296 дворохозяйствах, из них в самой деревне Быргында — 653 человека (242 двора), в селе Новопоселённое — 156 жителей и 54 двора [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 71]. Национальный состав Быргынды составляли 82 % марийцев, 11 % русских и около 7 % удмуртов. Также там проживала одна армянская семья из трех человек [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 16]. В 2018 году, согласно паспорту поселения, число жителей составило 721 человек (Быргында — 620, Новопоселённое — 101) [Паспорт ..., 2018], личных подсобных хозяйств — 253 [Отчет Главы МО «Быргындинское» ..., 2019]. Здесь, как мы видим, сокращение населения идет интенсивнее.

Экономическое положение селян участниками экспедиции на тот момент оценивалось как сложное. В Нырғындынском сельском поселении из всего количества трудоспособного населения 110 человек на постоянной основе работали на сельскохозяйственном предприятии ОАО «Ардени», 78 человек были трудоустроены в бюджетной сфере, 12 человек — в «Белкамнефти». Как отмечали местные жители, «зарегистрированных безработных у нас нет, а фактически такие имеются в каждой семье» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 14].

При этом заработная плата бюджетников и работников сельского хозяйства часто не дотягивала до среднемесячной заработной платы по региону,

составлявшей 9484 рубля [Социально-экономическое ..., 2008]. К примеру, ежемесячный бюджет семьи с двумя родителями-бюджетникам, один из которых работает на 1,5 ставки, составлял 13 тысяч рублей. При этом родителям необходимо содержать еще двух детей [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 31]. У специалистов муниципального образования оклад составлял примерно 6—7 тысяч рублей [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 14—15]. Сельхозпредприятие «Арденн», деятельность которого распространялась на Нырғындынское и Быргындынское сельские поселения, выплачивала дояркам до 7 тысяч, механизаторам — около 3 тысяч рублей [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 41]. При этом многие респонденты отмечают, что «колхозники» зарплату получали с задержками. В наиболее хорошем положении находились работники «Белкамнефти», их заработная плата была даже выше средней по региону. В качестве иллюстрации хотелось бы привести небольшую зарисовку из жизни смешанной марийско-татарской семьи, записанную Л. С. Христюловой: «Татарка Альфия здесь с 1995 г. с мужем марийцем познакомилась в Сарапуле через подругу-марийку. Свадьба была по-марийски: песни пели марийские, на подушку ставили, когда в дом мужа привезли. Сейчас у них двое детей. С ними живет мать мужа, всего пятеро. Её зарплата социального работника 3000 рублей, зарплата мужа, рабочего «Белкамнефти» — 10 000 рублей. Земли у них 50 соток по документам» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 15].

Появление поблизости дачных участков повлияло также на занятость населения: «У нас много народу работает по найму дачников. Школьники работают там, участки пропалывают, выкорчевывают» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 43]. Заработок составлял примерно 250 рублей в день для школьников и 350 рублей для взрослых, занятых тяжелой работой на стройках. С одной стороны, местным жителям предоставляется возможность работать недалеко от дома, получая почти две тысячи на взрослого за 5 дней работы, с другой стороны, видно, что они сложно привыкают к рыночным реалиям, для них пойти работать на «богатых» психологически непривычно, но многие идут на это от безысходности: «Работа тяжелая, бетонные работы, копка... А куда деваться, идут все равно, потому что в колхозе негде заработать, работы нет. Вот у нас доярка, 7 человек по деревне, а раньше было около 20. Все попали под сокращение» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 44—45].

Как видим, основная часть жителей была занята в сельском хозяйстве и бюджетной сфере. При этом работа на сельхозпредприятии оплачивалась хуже, выплаты осуществлялись нерегулярно, часто применялась натуроплата (предоставление работникам сена, зерна, вспашка огородов и др.). Сельскохозяйственное предприятие само находилось в сложном экономическом положении. По материалам Г. А. Никитиной, бравшей интервью у руководителя ОАО «Арденн», марийца В. Н. Белоусова, видно, что значительный

разрыв между закупочными ценами на молоко, зерно, мясо и ценами на топливо, электроэнергию, запчасти, не говоря уже о новой технике, ставит организацию на грань выживания: «Посмотрите на закупочные цены — копейки... литр цельного молока стоит 6 рублей (закупочная цена — прим. автора), а в магазине — 10,5 рублей. Что это такое? Горючее на уборочной сейчас стоит литр 18 рублей, чтоб его возместить, надо сдать 3 кг молока» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 27]. Но и в таких условиях предприятие обеспечивало работой жителей деревень Ныргында, Быргында, Новопоселенное, Дубровка и Зуевы Ключи, помогало бюджетным организациям: «Садик я тащу всю жизнь — и ремонт, и вопросы с мясом, и с транспортом — я все им “закрываю”... и школе помогаем, только что директор звонил, о встрече просил — надо встречаться» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 25]. Во многом такая социальная ориентированность обусловлена тем, что руководитель сам является неотделимой частью деревенского и культурного сообщества: «Единственное, что мне надо, чтоб я народ уважал и чтобы меня уважали. Шибко больших денег мне не надо, шибко больших благ тоже не надо, я живу наравне со всеми, и мне это нравится. Я живу среди народа, мне никто открыто не говорит, что я плохой, гордый, здесь живут все мои родственники, я и с народом в праздник могу выпить» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 25].

Как видим, экономическое положение жителей указанных муниципальных образований складывалось в зависимости от целого ряда социальных, производственных, природно-географических и культурных факторов. Практически у каждой семьи имелось личное подсобное хозяйство, большое количество домашнего скота, огороды. В качестве дополнительного заработка жители отмечали рыбную ловлю («А зимой у нас рыболовством занимаются... приезжают с Ижевска скупщики, наши уроженцы, знают же, что рыба водится, закупают за определенную цену» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 48—49]), плетение лаптей («Чистую технологию изготовления, тем более марийских лаптей, никто не знает уже, как это делается. А у нас есть одна бабушка Вера Федоровна Ижболдина. Я ей еще говорю, давай делай, через Центр народного творчества она делает, продает» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 54]), даже знахарство («Белоусова Зинаида Аркадьевна, марийка. От Зуевых Ключей в километрах двух у нее фермерское хозяйство..., она еще и целительница наша. Мне кажется, что к ней приезжают со всех концов России [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 46—47]) и др.

4. Народные праздники

Сложившийся народный календарь марийцев во многом связан с циклом земледельческих работ и до сих пор не утратил своей актуальности. В Ныргынде респонденты выделяли празднование *Окрашудо* (Дикий чес-

нок): «Проводят его после посевной, в начале июня. Его проводит колхоз вместе с сельским советом. Собирается вся деревня, у Камы. Каждый сам себе приносит угощение» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 20]; «Раньше же это проводили, когда поспевал дикий чеснок. Этот праздник в честь этого. Во время войны с Татарстана и из других мест приходили сюда за диким чесноком» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 57]. В словаре марийских говоров Татарстана и Удмуртии указано: «*Окрашудо найрам* — праздник Черемши — праздник жителей д. Ныргында нерелигиозного характера» [Вершинин, 2011, с. 387]. При этом часть респондентов данный праздник называли ещё словом, записанным в полевых материалах как *Зин*: «У нас есть праздник Зин. Переводится как дикий чеснок. Проводится летом, после посевных работ» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 64]. Другая часть опрошенных выделяет его в качестве самостоятельного: «Праздник у нас Зин называется. В честь уборки» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 34]. Возможно, этим локальным термином обозначается праздник вообще, массовое гуляние, что подтверждается и данными словаря: «*ж'и ын, ж'ин*, собрание, массовый праздник, собрание, сабантуй» [Вершинин, 2011, с. 90].

Еще один популярный этнически окрашенный праздник местных марийцев — *Семык*. В свое время он был одним из важнейших праздников, завершающих весенне-летний цикл и связанных с почитанием предков. Современный *Семык* был восстановлен марийскими общественными организациями и с 1991 года превратился в массовый национальный праздник удмуртских марийцев [Калинина, 2005, с. 156], аналогичный *Сабантую* у татар или *Герберу* у удмуртов: «Семык отмечается в разных районах, то в Граховском, то в Каракулинском. Это Анатолий Ильич Радыгин (руководитель Удмуртской республиканской организации марийского народа «Одо мари ушем». — *И. П.*) организует. Собирает марийцев из разных районов Удмуртии, приглашает артистов из Йошкар-Олы» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 15].

Следует отметить, что местные дети с самого рождения вовлечены в сохранившуюся обрядовую жизнь деревни, активно участвуют в праздниках, буквально погружаются в духовную культуру своих родителей, бабушек и дедушек, что служит основным фактором передачи этнической культуры: «Есть у нас тут отдельные песни, слова тоже. Специально для проводов. Для свадьбы тоже есть отдельные песни. Для похорон тоже отдельно. Все это есть у нас. Вот по улице пойдет, тоже отдельная песня, уличная. Вот если праздник, то бабушки соберутся, и в гости ходят по домам, друг к другу. Есть застольные песни, которые только за столом поются, а есть и те, с которыми только по улице идут» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 59]. Находит это отражение и в использовании традиционного марий-

ского платья: «Старожилы постоянно носят. Они сами себе сошьют эти платья. А есть очень нарядные. Чем ярче костюм, тем, считается богаче. Там цвета красный, желтый. Сочетания они не смотрят. Лишь бы поярче было. Это считается красивый костюм» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 60]. Как отмечали в Нырғынде, народные костюмы есть практически в каждой семье, они достаются по наследству, либо шьются новые. В основном надевают на праздники, на выступления в фольклорных коллективах.

5. Поминальная обрядность

Одной из наиболее сохранных сфер традиционной культуры выступает похоронно-поминальная обрядность. Это естественно, поскольку в сферах, связанных с рождением и смертью, здоровьем человека, человеческий прагматизм и рациональность уступают сложившимся многовековым практикам. Похороны у местных марийцев отличаются от погребального обряда соседних народов: «Покойника провожают с песней под гармошку, поют специальную обрядовую мелодию. Одежду покойника выносят в три приема» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 15]. Кроме частных поминок, также были особые поминальные дни — *сорта кече* («*sortage'che*, *sortage'che* — день поминовения, буквально — день свечей; день, когда зажигают свечи» [Вершинин, 2011, с. 527]). Начинали поминать предков и умерших накануне Пасхи, а после неё в родительский день шли на кладбище [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 34]. Устраивали поминки и перед праздником Семьк, перед православной Троицей, также ставя свечи.

Обращает на себя внимание целый цикл осенних поминальных обрядов, которые проводятся с 21 ноября (Михайлов день) еженедельно каждый четверг до 19 декабря: «Это начинаются уже поминки, по четвергам. До 19 декабря, до Николова праздника. Каждый четверг можно поминать умерших людей. Это вроде как поминание, вот лето прошло, скотина выросла, зарезали скотину, и вот вроде как в благодарность этот праздник устраивают... перед этим мне, например, сын (погибший — прим. автора) во сне приснится. Вроде как напоминание, что я к тебе приду угощаться. Раньше так было в течение трех лет после похорон» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 34].

В эти дни свечи зажигать было уже необязательно, на кладбище тоже не ходили, но для покойников угощение готовили: «Накрывают специальный столик. Угощают покойников и все своих родственников». Обязательно топили баню в среду, или в четверг до обеда: «Мужчины всех мужиков зовут в баню, женщины — женщин, типа, давайте попаримся. В баню заходят, берут веник и парят пустую полку, вроде бы покойников парят так. Еще и приговаривают... на марийском, просят здоровья для себя, детей, чтобы все было хорошо, чтобы скотину смотрели. После бани

обязательно ставят чай. Если даже стол не накрыт, накрывают и после бани ставят горячий чай» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 34]. По четвергам стряпали, открывали двери и зазывали: «Мол, идите, заходите, специально для вас лепешки постряпали, угощайтесь».

С 21 ноября связан еще один праздник, указанный в материалах как «*Шижи парьям*» (*шиже*, *шыже* — осень; *шижым* — осенью; *пайрем*, реже *парьям* — праздник (Нырг.) [Вершинин, 2011, с. 412]), возможно, являющийся исторически сохранившейся частью осеннего коллективного моления с жертвоприношением *Шыже кўсё* по окончании полевых работ [Марийцы ..., 2018, с. 276]. В это время традиционно резали скотину, которую откармливали летом: «Я держу гусей и в один день их режу, если гусей много, зову сестер, золовок, свекровь, чтобы помогли их ощипывать, а потом делаю угощение — накрываю на стол и всех приглашаю» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 20]. На стол ставилось свежее мясо, ножки гусей хозяйка отдавала помощникам. На праздник обычно приглашали родственников, могли позвать соседей, друзей.

6. Брачные практики и свадебная обрядность

Сосуществование в иноэтничном окружении выработало у местных марийцев и свои брачные предпочтения. Поскольку деревня большая, то либо в брак вступали внутри деревни, либо выбирали супруга из других марийских деревень, находящихся обычно в пределах 3—15 километров от Ныргынды (Быргында, Усть-Сакла (*Шапкер*), в том числе и на территории соседнего Агрыского района Республики Татарстан — Ожбуй (*Ошбуй*), Байтуганово (*Шуар*), Кулегаш, Бима, Пелемеш, Мадык (*Мандык*), Каменный Ключ (*Кюян Эмер*). «Браки не разрешаются между родственниками до четвертого поколения... Ныне бывают нарушения этого правила: известны две семьи выходцев из их деревни, в которых женаты троюродные брат с сестрой, они живут в Ижевске» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 15]. Следует отметить, что создание моноэтнических брачных союзов является одним из необходимых условий сохранения этнических сообществ. Аналогичные практики характерны для большинства локальных этнических групп, к примеру, это имеет место среди удмуртов Татарстана [Поздеев, 2019, с. 358].

Старшим поколениям респондентов памятни еще традиционно проводимые свадьбы: «Свадьбы были больно мудреные, не как сейчас. Приданое девушки сами готовили, подарки готовили. На свадьбу ездили на карантасах (так она сказала) с колокольчиками, зимой — в кошовках, лошадей украшали платками, поясами. Музыкальные инструменты были кўсле (гусли), многие приходили смотреть свадьбу. Раньше свадьба два-три дня шла, к родственникам ходили. Сперва у жениха, потом ехали за невестой

туда, где она готовила подарки (в доме родственников). Её с песнями привозили к жениху. Столы накрывали отдельно, мужчинам и женщинам» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 16]. Были на свадьбе и традиционные свадебные роли: отец свадьбы (тамада, глава свадьбы), мать свадьбы, а также свидетели, друзья жениха и невесты («Они отвечали за то, чтобы народ не стоял, а пил и плясал, веселился. И никто не должен сердиться на него. У нас такой человек с кнутом был» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 60]).

Современные свадебные церемонии обычно ограничиваются визитами будущих родственников друг к другу, свадебные пиры проходят в один день за общим столом в домах родителей невесты или жениха или в кафе, столовой: «Нынче свадьбу проводят в столовой или дома, марийская и русская свадьбы не отличаются друг от друга» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 16].

7. Вклад фольклорных коллективов в сохранении этнической культуры

Важнейшую роль в сохранении и передачи этнической культуры местных марийцев выполняют учреждения культуры — сельские дома культуры и библиотеки в деревнях Быргында и Ныргында. В Ныргынде на базе сельского дома культуры (СДК) в 2007 году функционировали Центр марийской культуры (руководитель — Н. В. Токмурзина), фольклорный ансамбль «*Ныргындыш сем*» (Мелодии Ныргынды), образованный в 1984 году, Образцовый детский ансамбль «*Висвис*» (Ромашка) и ансамбль любителей народной песни «*Ломбо*» (Черемуха). Возникшие на волне повсеместного подъема интереса к этнической культуре, роста этнического самосознания фольклорные коллективы ведут работу по сохранению и популяризации национальной самобытности, развитию языка, культуры марийцев. Коллективы известны не только в Удмуртии, но и за её пределами, выступают на общедеревенских, республиканских праздниках, выезжают с концертами в Республики Марий-Эл и Татарстан: «Нас часто приглашают в Марийскую республику. В прошлом году детский ансамбль “Висвис” ездил туда на Праздник цветов» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 55]. Во многом именно благодаря участию фольклорных коллективов поддерживается мода на народный костюм, со сцены звучат марийские песни, осуществляется общение людей разных поколений. Центр марийской культуры в рамках клуба выходного дня «Улыбка» проводил для учеников младших классов занятия на марийском и русском языках (поскольку приходят и русские дети) на различные темы. Раз в месяц для пожилых людей устраивались фольклорные марийские посиделки *Мари кас* (Марийский вечер): «Человек 30 бывает. Иногда 45. В гололед поменьше. Но обязательно на каждый “Мари кас” приглашаются ребята из ансамбля “Висвис”. И вот они показывают, играют вместе с ними» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 57].

Также клубные работники ставили спектакли; с постановками на марийском языке ансамбль выезжал в марийские деревни Татарстана: «У нас ансамбль большой, в узик (автомобиль УАЗ. — *И. П.*) не входит. Со спектаклем ездили как раньше, на лошадях. В Татарию в соседнюю деревню надо через поле ехать. А транспорт там не проедет. Так и ездили на спектакль на лошадях» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 55].

Таким образом, работники культуры своей деятельностью, личной заинтересованностью поддерживают и популяризируют этническую культуру марийцев, формируют канал межпоколенной передачи, участвуют в организации национальных праздников. Более того, именно самобытная марийская культура выгодно отличает местные деревни на общем республиканском фоне и становится тем общественным и культурным капиталом, который привлекает дополнительные финансы и позволяет осознать значимость родной культуры для самих жителей. К примеру, районный туристический маршрут разработан так, что желающим предлагается «Посещение Центра марийской культуры в дд. Ныргында и Быргында, музея быта марийцев, национального костюма»: «Можно примерить марийский костюм и сфотографироваться. Предлагаются дегустация национальных блюд, мастер-классы по танцу “восьмерка”, плетению национальных поясов и приготовлению марийских блюд» [Туристические ...]. Поэтому местные жители болезненно воспринимают возникающие время от времени попытки сократить или оптимизировать ставки культработников.

8. Заключение

Изучение материалов этнографической экспедиции 2007 года к марийцам Удмуртской Республики позволяет сделать следующие выводы.

Одной из актуальных проблем, стоящих сегодня перед удмуртскими марийцами, является сбережение этнокультурной самобытности, воспроизводство себя как некой целостности. Исторически сформировавшийся механизм обеспечения жизнеспособности социума включает в себя сложившиеся практики демографического поведения, межпоколенную передачу и воспроизводство обрядовой сферы, элементов материальной и духовной сферы. И в современных условиях марийский социум стремится генерировать и поддерживать этнические маркеры, позволяющие поддерживать этническую идентичность, среди которых можно отметить детали материального мира (национальный костюм, элементы архитектуры, музыкальные инструменты, национальная кухня и пр.), части духовно-религиозной культуры (моления, семейные и календарные обряды, песни), марийский язык и др.

Полевые этнографические материалы показывают, что обрядовая сфера марийцев переживает вполне объяснимые трансформации и изменения.

Отмечается смешение смыслов и значений многих обрядов, праздников. К примеру, праздник *Семык*, ранее посвященный поминовению усопших, превратился в общереспубликанский национальный праздник. И здесь в конструировании новой этнической реальности значительная роль отводится представителям общественных организаций, культработникам и педагогам.

Конечно, в ходе одной экспедиции не удалось описать всю обрядовую сферу, материальную культуру, традиционные верования и другие элементы жизни и быта местных марийцев, но и имеющийся материал показывает, что обрядовый пласт культуры сохраняется и продолжает оставаться неотделимой частью бытия народа.

Источники и принятые сокращения

1. *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике. — Режим доступа : https://udmstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-01_%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%80=94000000.pdf (дата обращения 21.07.2021).
2. НА УИИЯЛ — *Научный архив УИИЯЛ* УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Опись 2-Н. Д. 1495. 123 л. ; Опись 2-Н. Д. 1499. 27 л. ; Опись 2-Н. Д. 1516. 33 л. ; Управленческий фонд. Оп. 1. Д. 724а. 195 л.
3. *Отчет* Главы МО «Быргындинское» о деятельности Администрации и Совета депутатов муниципального образования «Быргындинское» за 2019 год [Электронный ресурс // Официальный сайт МО «Каракулинский район». — Режим доступа : http://karakulino.udmurt.ru/mo/birgindinskoe/administratsiya/texts_official_statements/ (дата обращения 16.07.2021).
4. *Отчет* Главы МО «Ныргындинское» за 2020 год [Электронный ресурс // Официальный сайт МО «Каракулинский район» — Режим доступа : http://karakulino.udmurt.ru/mo/nirgindinskoe/administratsiya/texts_official_statements/ (дата обращения 16.07.2021).
5. *Паспорт* МО «Быргындинское» на 01.01.2018 [Электронный ресурс // Официальный сайт МО «Каракулинский район». — Режим доступа : <http://karakulino.udmurt.ru/mo/birgindinskoe/> (дата обращения 18.07.2021).
6. *Социально-экономическое* положение Удмуртской Республики в январе — декабре 2007 г. // Удмуртская правда : газета. — 2008. — № 15. — С. 3.
7. *Туристические маршруты* [Электронный ресурс // Официальный сайт МО «Каракулинский район». — Режим доступа : http://karakulino.udmurt.ru/city/turizm/Turmarshrut_Karakulino_Nyrgynda.pdf (дата обращения 16.07.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вершинин В. И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии / В. И. Вершинин. — Йошкар-Ола : Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2011. — 794 с. — ISBN 978-5-94950-054-5.
2. *Калинина О. А.* Семык удмуртских марийцев / О. А. Калинина // Диаспоры Урало-Поволжья : материалы межрегиональной научно-практической конференции

(Ижевск, 28—29 октября 2004 г.). — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2005. — С. 155—157. — ISBN 5-7691-1669-2.

3. *Марийцы* // Феномен Удмуртии. Т. 3. Кн. 3 : Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути. — Москва — Ижевск : Удмуртия, 2003. — С. 529—547. — ISBN 5-7659-0178-6.

4. *Марийцы*. Историко-этнографические очерки. — Изд. 3-е, дополн. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2018. — 482 с. — ISBN 978-5-94950-080-4.

5. *Марийцы* Удмуртии: история, традиции и современность : материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, 6 декабря 2015 г., г. Ижевск / под ред. А. Е. Загребина. — Ижевск : Монпоражен, 2015. — 134 с.

6. Поздеев И. Л. Роль семьи в сохранении и передаче этнической культуры удмуртов Республики Татарстан в XXI веке / И. Л. Поздеев // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 352—365. — DOI 10.24224/2227-1295-2019-7-352-365.

7. Попова Е. В. Марийцы / Е. В. Попова // Удмуртская Республика : историко-этнографические очерки. — Ижевск : б/и, 2012. — С. 241—266. — ISBN 978-5-478-00103-6.

8. Попова Е. В. Некоторые историко-этнографические сведения о марийцах Удмуртии / Е. В. Попова // Марийский архивный ежегодник. — 2016. — С. 233—245.

MATERIAL RESOURCES

NA UIIYaL — *Scientific archive UIIYAL UdmFIC UB RAS*. (In Russ.).

Passport MO “Byrgyndinskoe” on 01.01.2018. In: *Official site of the “Karakulinsky District” MO*. Available at: <http://karakulino.udmurt.ru/mo/birgindinskoe/> (accessed 18.07.2021). (In Russ.).

Report of the Head of the municipal entity “Byrgyndinskoe” on the activities of the Administration and the Council of Deputies of the municipal formation “Byrgyndinskoe” for 2019. In: *Official site of the “Karakulinsky District” MO*. Available at: http://karakulino.udmurt.ru/mo/birgindinskoe/administratsiya/texts_official_statements/ (accessed 16.07.2021). (In Russ.).

Report of the Head of the municipal entity «Nyrgyndinskoe» for 2020. In: *Official site of the “Karakulinsky District” MO*. Available at: http://karakulino.udmurt.ru/mo/nirgindinskoe/administratsiya/texts_official_statements/ (accessed 16.07.2021). (In Russ.).

Results of the All-Russian Population Census 2010 year. In: *Site of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Udmurt Republic*. Available at: https://udmstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-01_%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%80=94000000.pdf (accessed 21.07.2021). (In Russ.).

Socio-economic situation of the Udmurt Republic in January—December 2007. (2008). *Udmurtskaya pravda: newspaper*. 15: 3. (In Russ.).

Tourist routes. In: *Official site of the “Karakulinsky District”*. Available at: http://karakulino.udmurt.ru/city/turizm/Turmarshrut_Karakulino_Nyrgynda.pdf (accessed 16.07.2012). (In Russ.).

REFERENCES

Kalinina, O. A. (2005). Semyk of the Udmurt Mari. In: *Diasporas of the Ural-Volga region: materials of the interregional scientific-practical conference (Izhevsk, October 28—29 2004)*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. 155—157. ISBN 5-7691-1669-2. (In Russ.).

- Mari (2003). In: *The phenomenon of Udmurtia. Unity and Diversity of Ethnic Mobilization: Lessons from the Path Traveled*. Moskva—Izhevsk: Udmurtiya. 3/3. 529—547. ISBN 5-7659-0178-6. (In Russ.).
- Mari. *Historical and ethnographic essays*. (2018). (3th ed.). Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI. 482 p. ISBN 978-5-94950-080-4. (In Russ.).
- Popova, E. V. (2012). Mari. In: *Udmurt Republic: Historical and Ethnographic Essays*. Izhevsk. 241—266. ISBN 978-5-478-00103-6. (In Russ.).
- Popova, E. V. (2016). Some historical and ethnographic information about the Mari of Udmurtia. In: *Mari Archival Yearbook*. 233—245. (In Russ.).
- Pozdeev, I. L. (2019). Role of Family in Preservation and Transmission of Ethnic Culture in Udmurts of Republic of Tatarstan in 21st Century. *Nauchnyi dialog*, 7: 352—365. DOI 10.24224/2227-1295-2019-7-352-365. (In Russ.).
- Vershinin, V. I. (2011). *Dictionary of the Mari dialects of Tatarstan and Udmurtia*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History. 794 p. ISBN 978-5-94950-054-5. (In Russ.).
- Zagrebin, A. E. (ed.). (2015). *Mari of Udmurtia: history, traditions and modernity: materials of an interregional scientific-practical conference with international participation*. Izhevsk: Monporazhen. 134 p. (In Russ.).